

Поцелуй поражает как молния,
страсть налетает, как гроза,
а затем всё развеивается, как небо после бури,
и жизнь идёт по-прежнему.
Разве вспоминают о туче?*

Ги де Мопассан

Кого ударило молнией, тот грома не слышит.

Венгерская пословица

---

* Цитата из романа Ги де Мопассана «Пьер и Жан». —
Здесь и далее прим. пер.

*Батисту,
слишком рано ушедшему от тысяч гроз*

1

Венсен

На паркинге оставался только минивэн. Серая угловатая громадина, сочетание листового металла, хрома и пластика. Просторная несуразность. Технологичная нелепость. По верху правой передней дверцы тянулась тонкая царапина, прочерченная с прилежанием, достойным восхищения. Работа основательная, кропотливая — продуманный поступок, спровоцированный яростью. Машине еще и двух недель не было, когда в непристойной схватке за приоритетна дороге одна психопатка выместила злобу на сером металлическом кузове.

Кьяра и Максим остановились на мокром асфальте и так стоят то ли несколько секунд, то ли уже, что вернее, около минуты, глядя на машину, а та, кажется, теряет терпение, торопясь занять привычное место перед своим гаражом. Каждый, погруженный в свои мысли, выжидает. И очень надеется, что другой первым подастся вперед, первым сделает тот новый, predeterminedный, почти необратимый шаг, на который требуются силы, но ведь это их общее решение.

— Лучше взять гибрид, — неожиданно бросает Макс, уставившись в никуда.

— Что? — Кьяра медленно поворачивается и смотрит на профиль мужа.

— Пора переходить на гибриды. Поизучаю разные варианты.

— Ты решил поменять машину?

Макс пожимает плечами.

— Но ты ведь оставишь минивэн себе, верно?

— Я еще не думала об этом, — бормочет она.

— Так удобней для собаки.

— А что, собака остается у меня?

— Разве ты не хочешь ее оставить?

— Я не говорила, что не хочу. Просто еще не думала над деталями.

— Тридцать восемь кило — это уже не просто «деталь», — пытается пошутить Макс.

И снова молчание заполняет все окружающее их пространство, рикошетом отлетая от каждого камешка, каждого куста и каждого бордюра, размечающего ряды на парковке юридической конторы. В голове у Кьяры мелькают, накладываясь друг на друга, картины прошлой жизни, и в каждом, даже мельчайшем, фрагменте присутствует их старина Чарли. Как она могла не задуматься над судьбой собаки?

— Да, мне бы хотелось его оставить, — признается она, уже чувствуя себя должницей.

— Я это предполагал. Так действительно будет лучше.

С этими словами он засовывает руки в карманы и, больше не медля, решительно направляется к мини-вэну.

Сегодня именно он делает первый взмах мачете, прокладывая дорогу по усеянной препятствиями тропе. Именно он вспахивает целину, потому что кто-то должен взять это на себя. Именно он расчищает путь в неизвестность. В жизнь супругов, чей брак распался.

2

Так или иначе, жизнь должна идти дальше, и потому, чтобы избавиться от возникшей неловкости, Кьяра с Максом обращаются к бытовым вопросам. А именно к Сезару, который и думать больше не хочет о татами. Его увлечение карате продержалось не дольше, чем страстная любовь к фехтованию или к регби.

— Лишь бы занимался спортом... — вздыхает Макс.

— Его инвентарем забит весь чердак. А расходов сколько! И каковы планы на этот раз?

— Планы?

— Наверняка у него в голове уже вертится что-то новенькое!

— Пусть сам тебе расскажет.

— Меня достало, что он постоянно действует через тебя, хотя в итоге именно мне приходится бегать по «Декатлону» и мотаться в мэрию, чтобы записать его в очередную секцию! — взрывается Кьяра.

Макс сдерживает улыбку, ликуя, что на этот раз в отношениях с сыном предстанет в белом фраке. Он вытягивает вперед свои по-прежнему мощные руки и вальяжно пристраивает их на руле.

— Но у тебя свои соображения на этот счет, верно?

Кьяра громко вздыхает:

— Можно подумать, я монстр какой-то...

— Сезар понимал, что ты не запрыгаешь от радости, когда узнаешь о его решении бросить карате.

— А я что, должна его поздравить? Насколько мне помнится, я никогда не требовала от него олимпийских медалей, но хоть минимум настойчивости проявить надо! Я тоже не очень любила музыку, однако занималась ею восемь лет.

— И как часто ты сейчас играешь на скрипке, а?

— Может, я и не играю на скрипке каждый Божий день, но владею основами сольфеджио, а это уже кое-что.

— Кьяра, Сезару одиннадцать лет. Главное, что он хоть какое-то время проводит без гаджетов. Чем бы он ни увлекся, рыбалкой или пони, лично я...

— Ну конечно, ты, вечно ты... Погоди-ка, это что, твои родители приехали?! — восклицает она, заметив красный «Рено Клио», стоящий у их гаража.

— Вот дерьмо.

— Ага, дерьмо, точно подмечено. У них действительно талант появляться в ненужный момент.

— Может, отец заехал за своим кусторезом?

— Я и говорю, настоящий талант выбрать время! Предупреждаю, на ужин я их оставлять не собираюсь. К тому же они опять заведут разговор о ремонте домика в саду, покупке участка и...

Макс демонстративно закатывает глаза, однако скорость не сбрасывает, приближаясь к дому.

— Что ты делаешь?

— Ищу спокойное местечко, чтобы мы могли обсудить план Б.

— О нет! Мы уже договорились и не будем к этому возвращаться!

Макс резко выворачивает руль и въезжает на тротуар, после чего решительно выключает мотор. На этот раз он крепко сцепляется в руль и глубоко вздыхает. Он вдруг кажется совершенно измученным, и Кьяра заставляет себя перейти на более примирительный тон.

— Подходящего момента никогда не будет. Для таких вещей подходящих моментов вообще не бывает, — мягко оправдывается она, положив свою ладонь на его руку. — Лу уедет завтра на выходные к Полю и Изе, а вываливать такую новость детям после утомительных занятий в школе — совсем не вариант. У нас нет выбора. Надо рассказать им о разводе сегодня.

— Я и не возражаю, Кьяра...

— Тогда что? Засомневался?

— Да нет же!

— Сколько пыла! Ты меня успокоил.

— Не в том дело. Скажем так: одна мысль об этом разговоре...

— Знаю, сама умираю от страха.

Макс медленно качает головой, пытаясь найти выход из возникшей ситуации:

— Ладно, не беспокойся, я разберусь: постараюсь как можно быстрее выпроводить родителей, закажу пиццу, а потом мы поговорим с детьми.

— Твои родители не останутся на вечер.

— Мои родители не останутся, обещаю.

— Сезар и Лу должны узнать первыми, ведь когда мы официально объявим о разводе, новость разлетится за несколько дней.

Макс удрученно откидывается на спинку кресла.

— Да уж...

— А если еще твои родители...

— Кьяра! Я же сказал, что беру их на себя! Или я неясно выразился?

Макс рывком трогает минивэн с места, чуть дальше разворачивается и паркуется рядом с «Рено».

— Прости. Мне страшно. Но это же нормально? А когда мне страшно, я накручиваю себя, ты же знаешь. Ничего не могу поделать, это сильнее меня.

— Да уж, знаю.

В голове у Кьяры вдруг всплывают воспоминания. Четыре пары белых шлепанцев, сфотографированные на пляже в Вандее; безумный гомерический хохот на каком-то невероятном танцевальном балу, когда перед всеми появилась Лу в образе креветки, не обращающая ни малейшего внимания на происходящее вокруг; чудесные утра после Рождества и звонкие поцелуи в пухлые щечки детей. Да, разговор предстоит нелегкий.

— Брось, давай расслабимся, все пройдет хорошо.

Макс, тоже погруженный в свои мысли, никак не реагирует.

— Все ведь пройдет хорошо? — снова спрашивает она.

Кьяра нервно заправляет выбившуюся прядь за ухо. Она отказалась от длинных волос и не совсем еще свыклась с новой стрижкой. Ее черные глаза вглядываются в глаза Макса. Черты ее сорокалетнего супруга смягчаются, и он кивает. Некоторое время Макс не брился, круги под глазами прочно обосновались на его лице, но в конечном счете все это скорее подчеркивает его индивидуальность, чем портит.

— Никто ведь не умер, Кьяра. Мы просто решили развестись.

— Потому что нам больше нечего дать друг другу. И потому что у нас теперь разные интересы...

— Пойдем, — прерывает ее Макс, берясь за ручку дверцы.

— Это не значит, что мы больше не будем семьей или не любим наших детей.

— Кьяра!

— Я репетирую!

— Мы найдем слова, не волнуйся.

Кьяра машинально крутит на безымянном пальце обручальное кольцо. В последнее время она сильно похудела и вполне может его потерять, если перестанет следить за ним. Она утратила вкус ко многому.

— Решения принимают родители. Мы приняли вот такое решение, Сезар и Лу поймут, — добавляет в конце концов Макс, пытаясь придать себе мужества.

Несколько секунд Кьяра сидит в растерянности, и в этой немой кульминации кое-что вызывает у Макса странное волнение: он увидел в Кьяре черты той, какой она была шестнадцать лет назад, и вроде бы она такая, как всегда, но все же другая.

— Как ты? — вдруг расчувствовавшись, беспокоится он.

— Нормально. Отлично. Пойдем выпроводим твоих родителей, — заявляет она, выскакивая из машины.

Перед входной дверью Кьяра проклинает свои ключи.

— Да что ж такое! Наверняка Лу опять оставила свою связку в замке!

— Ты позвонила в дверь?

— Конечно, позвонила!

— Успокойся... Сезар нас видел, — говорит Макс, указывая пальцем на занавеску, все еще колышущуюся в окне второго этажа.

Кьяра снова нажимает на кнопку звонка. В глубине дома раздается трель и сразу заглушается взрывами смеха.

— Они, скорее всего, в саду, — делает попытку Макс, чувствуя, как Кьяра опять напрягается.

— Я слышу смех твоей матери! Они все начинают действовать мне на нервы, это плохо кончится!

— Серьезно, если ты не готова, давай перенесем на другой вечер.

— Нет, я готова. Просто я не представляла, что вечер начнется так.

Кьяра отступает назад, чтобы посмотреть на окно комнаты сына, который снова показывается на мгновение и исчезает.

— Сезар! Спустись и открой нам, ключ застрял!

За дверью снова слышится приглушенное хихиканье вперемешку с радостным лаем.

— Что ты там задумал? Сезар!

Пухлощекий темноволосый мальчик в конце концов приоткрывает окно, оглядываясь через плечо. Он тот еще шутник; каждое утро пересказывает им свои сны, украшенные фантастическими деталями, истории героев манги, телепортирующихся на финалы Кубков мира, или некую смесь «Индианы Джонса» и «Властелина колец», в которой его сестру неизбежно всячески истязают... Вот только на этот раз Кьяра чувствует — будет что-то другое.

— Спускайся немедленно, или здорово пожалеешь, обещаю! — кричит она сыну.

— Кстати, давай этим вечером не заговаривать о карате, если не возражаешь, — просит Макс.

Вместо ответа Кьяра испепеляет его взглядом.

— Это не смешно. Позови бабушку Розу!

— И немедленно, — гремит Макс.

— Пройдите через гараж! — бросает наконец Сезар тоненьким голоском.

— Сезар, клянусь, что...

— Через гараж, и давайте быстрее! — велит им Сезар и, прыснув, закрывает окно.

Кьяра с Максом в один голос проклинаят все и двигаются вдоль дома. В тяжелом воздухе чувствуется приближение грозы. Макс вытирает рукой стекающую по виску капельку пота.

— Бред какой-то, что они еще задумали? — нервничает Кьяра.

— Спокойно, наверняка это какая-то идея моей матери.

— Я сказала «нет», когда речь зашла о столе для пинг-понга. Руку даю на отсечение, что они притащили сюда стол для пинг-понга!

— Погоди, увидим...

— И что за манера вечно приезжать без предупреждения, это же невыносимо, — выходит из себя Кьяра.

— Потерпи, прошу тебя. Вот черт...

Существуют две школы человеческого поведения. Первая объединяет страстных любителей вечеринок-сюрпризов и включает в себя отдельный подвид зачинщиков: тех, кто не упускает случая напомнить о дне своего рождения в надежде, что его хорошенько поздравят, и не скупится на намеки, пусть даже все это, с учетом ожиданий и мечтаний, обернется разочарованием. Им противостоят другие, предпочитающие держаться в тени, — инородные тела, сопротивленцы. Молчаливая насуспенная когорта, этикие кайфоломы, ненавидящие все непредвиденное с его последствиями, когда на час или на весь вечер им приходится стать центром внимания. Будь у них выбор, они предпочли бы подвергнуться внеплановой колоноскопии, чем оказаться в ловушке, подстроенной целой толпой, которая под занавес обязательно грянет какое-нибудь славословие.

Макс всегда был не прочь повеселиться, неожиданно пригласить друзей или где-нибудь быстренько пропустить бокальчик. Но именно бокальчик, затем он смылся. Он был из категории зожников, особенно с тех пор, как решил сбавить обороты. До сей поры Макс

неплохо зарабатывал, но когда у одного из его коллег начались серьезные проблемы со здоровьем, он осознал, что проводит слишком много времени на рабочем месте. С тех пор он иногда делает себе поблажки, убегая с работы пораньше, и уж точно уделяет куда больше времени своей особе. Кьяра же чувствует себя спокойней, когда все под контролем, будь то вечеринка или что иное. Обычно именно она организует праздники — дни рождения детей, своего отца и даже свекра со свекровью. Недавно она устроила сорокапятилетие своей подруги Изы в одном великолепном туристическом домике — по всеобщему мнению, чертовски удачно, и она часто не без гордости об этом вспоминает. Короче, изобретательность Кьяры могла сравниться только с той энергией, которую она дарила близким и отдавала своей работе.

Что же до союза Макса и Кьяры, тут все сложнее. Теоретически оба не были против общества семьи и друзей, но уже несколько месяцев они проводили большую часть времени у смертного одра собственного брака, жизненные показатели которого демонстрировали лишь минутные всплески. Профилактика уже явно запоздала, а лечение оказалось решительно неэффективным, так что пришло время аутопсии. Но все это приберегалось исключительно для внутреннего пользования: ни один, ни другая и вида не подавали, через какие мучительные судороги проходит их брак. Ради приличия, из-за чувства собственного достоинства, из-за стыда. Весь ближний круг полагал, что у Макса и Кьяры спокойная,

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru